

Сергей
ДЫШЕВ
**ЗАКОН
ОРУЖИЯ**

ЭКСМО

Сергей Михайлович Дышев
Закон оружия
Серия «Русский бестселлер»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178456
Закон оружия: Эксмо-Пресс; М.: 2001
ISBN 5-04-008363-7*

Аннотация

У него не оставалось ни одного шанса, когда он встретил в Дагестане чеченского полевого командира – своего бывшего сержанта Шамиля, которого когда-то учил воевать в Афгане. Судьба дала ему шанс уцелеть и тут же отобрала его, оставив один на один с таинственной организацией, оказавшейся самой жестокой криминальной группировкой Таиланда. Чтобы выжить, он избрал один закон – закон оружия.

Содержание

* * *

Конец ознакомительного фрагмента.

4

79

Сергей Дышев

Закон оружия

* * *

Я не люблю утепляться. С самыми кручеными московскими и иными морозами борюсь быстрым бегом. Это любимая фраза моего знакомого мафиози. Он великий шутник, бродит на срезе ствола, обожает свою несчастную семью и уверяет близких, что жив до сих пор лишь потому, что умеет вовремя унести ноги от разборок. Быстрым бегом. С бандитами не якшаюсь почти два года и поэтому если и бегу, то лишь от мороза. В последнее время я мало занимаюсь спортом, и лишь ноги мои не знают покоя. И все потому, что поменял профессию – стал журналистом. Получилось все до банальности просто. Ощувив в очередной раз подсасывающую нехватку родного инфляционирующего рубля, стал усиленно читать объявления работодателей и натолкнулся на сообщение в «Московском комсомольце» – есть такая «коммунистическая», по выражению нашего любимого президента, газета. Редакция предлагала юным талантам испробовать себя в различных жанрах. И я спешно бросился за мемуары. Описал события в Закрытой Даче и ее постояльцев – представителей генофонда, которые придумывали немыслимые

махинации и мошенничества самой высокой пробы, рассказал о том, как кинули тысячи акционеров банка «Евразия», и много чего другого. С этим багажом, написанным вручную, пришел в «Комсомолец». После тщательного допроса меня допустили к стриженной малолетке в ленноновских очках. Дж. Леннона я любил. С девушкой было сложнее. Она торопливо и, словно теряя терпение, осведомилась, приходилось ли мне писать хотя бы заметку для газеты. Я, конечно, ответил отрицательно, пояснив, что желание писать в газеты – это возрастной казус, своеобразное отклонение, пока еще не изученное психиатрией. И, увы, это время для меня настало. Газетная девушка возмутилась, сильно побагровела (она была крашеной блондинкой), но сдержалась, брезгливо заметила, что ни одна уважающая себя редакция не берет рукописные материалы. На что я ответил:

– Девушка, когда вы прочтете мою писанину, тут же забудете о своих словах.

Кажется, она посчитала меня сумасшедшим или по крайней мере нахалом.

Девочка взяла мои бумаги, стала бегло их просматривать, листочки, как блошки, споро перелетали из одной кучки в другую. Наконец она подняла на меня прохладные глаза и вынесла улыбчивый вердикт:

– Здесь нет информационного повода, темы изъезжены и, извините, нуждаются в затратной перепроверке.

После чего эта маленькая дрянь придвинула стопку ко мне

и поблагодарила за «внимание к нашей газете».

– Как ваша фамилия, девушка? – спросил я.

– Вы что-то хотите оспорить?

– Нет, я хочу вас... читать.

Она пожала плечами, назвала фамилию, которую я тут же забыл, начиналась и заканчивалась она на «ш», и добавила:

– Письменная журналистика не входит в мои функции.

Безусловно, я не сдался. Конечно, одно дело – писать личные дневники, другое – изобразить что-то для привередливого московского читателя.

У ближайшего развала с периодикой я тормознул. Решение было принято за десять шагов: купить газету, лежащую с краю, и, не читая, идти по адресу редакции, добиться аудиенции с главным, дабы не нарваться на очередную измученную лоском финтифлюшку, всучить рукописи и не слезть до тех пор, пока не прочтает. Возможно, применить и силовой маневр. Ведь два дня не кушал, так и до воровства недалеко.

Меня ожидало разочарование: первой в ряби газет лежало невзрачное издание на серой бумаге под названием «Человек и закон». «Что за белиберда, – подумал я. – Неужели кто-то покупает газеты с таким тоскующим названием?» Продавец ответил, что покупают, да еще как! Сказал бы он по-другому...

Я отправился на Беговую. Редакция располагалась на первом этаже ветхого здания недалеко от ипподрома. Это соседство меня развеселило. Я представил, как буду просаживать

гонорары на тотализаторе. Пахнуло лошадиным потом, и, кажется, послышалось призывное ржание. Возможно, славный коняка Пегас уже пытался вдохновить меня на творческие порывы.

Я потряс дверь и обнаружил шершавый звонок, под ним – подпаленный листок: «Снабженцы слесарей – один раз. Редакция – два раза. АО „Тритон“ – три раза». Увы, я не успел нажать второй раз, дверь распахнулась, красноносый скороговорщик с ходу набросился на меня:

– Володька?

– Я, – пришлось сознаться.

– Сколько тебя ждать! Я уж думал, смерть вырвала из наших рядов лучшего из лучших, преданнейшего и непоколебимого, – выпалил он с болью и яростью одновременно, взял мой «дипломат» и, несмотря на свой маленький рост, живо затолкал меня в полуслепую комнатку. Среди дыма и гула обнаружился стол с мутной компанией. Сосчитать людей я не смог. Лишь на мгновение все замолкли, скороговорщик по мановению ока извлек из воздуха фанерный ящик, поставил его на попа, решительно усадил меня. Тут же в руке я почувствовал теплый стакан с водкой – запах красноречивей вида. Сразу выпил за свалившуюся дружбу. Усохший желудок жадно набросился на водку, да не тут-то было – все равно что без объявления получить по балде кувалдой. А дальше еще понятней – всасывание: как вбрасывание в хоккее. Только шайба опять-таки стуком по голове. Задурела моя го-

ловушка, и то – никудашно пить натошак. Тут с меня требовали сингапурские прокладки, итальянские «елочки», американские болты без нарезки, израильские смесители и иорданские уключины к унитазам. Компания нетрезвомыслящих людей (почему-то все они были в клетчатых рубашках) расслабленно ждала, пока я открою «дипломат».

– Гы-гы, – сказал я. – Нет у меня ваших уключин. А за водку спасибо.

– Хорош тюленина ломать! – лениво сказал патлатый увальень времен затянувшейся битловской молодости.

Красноносый стянул чемоданчик, открыл его и недоуменно обвел взглядом собравшихся.

– Куда дел? – хмуро спросил он.

– Ребята, я вообще-то редакцию искал. А меня тут затащили...

– А чего врал, что Володька?

– Я и есть Володька. Паспорт показать?

– Сиди, не у прокурора... – позволил «битл».

Тут пришел с чемоданом настоящий Володька, он принес уключины, прокладки и прочую канитель, его тоже усадили за стол... А я читал свои произведения, ребята скрежещали зубами, кричали: «Правильно! Выведи их, бандюг, на чистую воду. Режь матку!» Потом все дружно повалили на улицу – играть в снежки, а я, собрав на полу и столе разбросанные листы, незаметно скрылся в темноте коридора. Дверь редакции подалась с первого раза. Ее не закрывали. Более

того, в приемной не было олицетворения скуки – непременно секретаря. Откуда-то из-за поворота появился грузный мужчина лет пятидесяти с широкой лысиной.

– Тебе ч-чего? – спросил он, слегка заикаясь. Было такое впечатление, что он куда-то торопился, хотя и стоял на месте.

– Мне главного редактора! – сказал я как можно суровей, не стараясь скрыть свежего запаха водки.

– З-заходи! – он прошел первым в узкую комнатку, которая сразу уменьшилась, сел за стол, кивнул на диван с пролысинами, как и у него на голове. Тут же закурил, спохватился, протянул мне.

Я взял предложенную «Яву» и, пока прикуривал, ощущал быстрый и пристальный взгляд.

– Военный?

– Бывший... Пограничник.

– А чего уволился?

– Не захотел присягу второй раз принимать, – ответил я неохотно. Надоело ворошить старое, надоело как бы подспудно показывать себя таким «честымеющим» – столько бесчестия и подлости вокруг, что присягнуть второй раз – просто житейская формальность по сравнению с всеобщим предательством кумиров.

– На Украине? – угадал мой собеседник.

– Да.

– И правильно сделал. Я хоть и хохол, но вот этого иди-

отизма не пойму: присягать вторично – уже одновременно предавать. Значит, можно и дальше пойти по кругу. Прецедент гнусности... Ладно, вижу, на хрен тебе нужны эти разговоры... Показывай, чего принес!

– А вы – главный редактор? – решил уточнить я.

– Тебе что – моя рожа не нравится? – хозяин кабинета поднял на меня крепкую голову, мощно блеснула лысина.

– Рожа как рожа, – ответил я уклончиво.

Хозяин рассмеялся, протянул мне руку:

– Сидоренко Владимир Михайлович. Главный редактор.

– Раевский Владимир, – представился я и отдал пачку.

Он нацепил очки, которых, как мне показалось, стыдился, мгновенно сосредоточился. Время от времени он затягивался, клубы дыма окутывали его широкое лицо, крепкий подбородок. Он хмыкал, покачивал головой, иногда посматривал на меня, но ничего не говорил. Прошло полчаса. Сидоренко, не подымая взгляда, нащупал карандаш, решительно что-то вычеркнул, поставил на полях закорючку. Я не стал вытягивать шею. Разборки – впереди. Хотя главный мне положительно нравился – не рисовался и не пытался показать свою значимость. Наконец он перевернул последнюю страницу, отодвинул стопку листов в сторону.

– Откуда такое знание материала?

– От жизни, – пояснил я.

– Да-а, кое-что тянет на сенсацию. Знать бы, что не переврано... Но ты не обижайся, – тут же добавил он, заме-

тив мою реакцию. – В нашем деле всякое бывает... Беру все материалы. Слог у тебя хороший, но надо чуть подработать, патетику убрать. Сейчас это не модно. Сам от этого еле отучился. А вообще – молодчина.

Он сказал это так, будто давно меня знал и я, блестяще выполнив задание, оправдал его особое редакторское доверие.

– Ты где работаешь? – спросил редактор, щурясь от сигаретного дыма.

В комнате уже было не продохнуть, я встал, открыл дверь.

– Нигде.

– Безработный?

– Что-то вроде...

– Пойдешь ко мне спецкором? – Сидоренко скрестил пальцы в замок, глянул пристально, будто предлагал идти в разведку.

– Вот так сразу? – усмехнулся я. – Ведь вы меня не знаете, а я толком не представляю, о чем пишет ваша газета.

– А чего ж ты пришел к нам?

И я вынужден был рассказать, как вышел на редакцию.

– Что ж, ты не ошибся дверью...

На следующее утро меня представили коллективу. В двенадцатиполосной газете, выходившей раз в неделю, кроме редактора, работало еще пять человек: грузный парнишка под потолок ростом – его почему-то звали Нинзя; Валера – сухощавый человек в крупных очках, за которыми блесте-

ли черные глаза-горошины; Ольга, смешливая женщина с внешностью удалой грузинки; Николай, мужик лет сорока, длинноносый, с хитрой усмешкой и внешне простоватыми манерами. Еще был курьер Лешка – двадцатилетний балбес с гривой рыжих волос. Все тут же отразилось и запечатлелось в моей профессиональной памяти.

Вечером я с новыми коллегами устроил фуршет. В ходе него узнал, что мой новый шеф – полковник запаса, работал редактором отдела в военной газете «Красная звезда», объездил все «горячие точки» бывшего Союза, потом, как ветеран, попал под сокращение...

Сидоренко слово сдержал. Через два дня вышел очередной номер, в котором были напечатаны все мои статьи. Правда, порядком урезанные. В этот же день я получил аванс и гонорар. Аванс был мизерным, зато гонорар вполне приличным. Я рассчитался с долгами за коммуналку, заплатил хозяйке тете Дусе за месяц вперед, накупил продуктов и даже потратился на пару носков.

Утром, как покорный служащий, приплелся на работу. Мороз стоял под двадцать градусов, я резво хрустел по снежку, помахивая китайским «дипломатом». Как уже говорилось, я не люблю утепляться. Мужчина всегда должен излучать энергию жизни. Теплая одежда затрудняет движения, сковывает инициативу и, разумеется, мешает в приступах интимного экстаза.

Владимир Михайлович оглядел меня с ног до головы и,

не дав раздеться, сунул два листка.

– Читай!

Не раздеваясь, я присел, на ходу сосредотачиваясь.

«В Министерство внутренних дел РФ. Срочно!

9.01 с. г. в 4.35 утра группа боевиков неустановленной численности, просочившись с сопредельной территории, совершила нападение на аэродром, уничтожила два вертолета, затем вошла в г. Кизил, расстреляв из гранатометов и стрелкового оружия три милицеских поста.

5.45 – бандиты выгоняют людей из домов, хватают людей на базаре.

В 6.20 банда ориентировочной численностью в триста человек захватила больницу. Боевиками взяты в заложники до трех тысяч человек».

«В МВД РФ. СРОЧНО!!! Бандиты расстреливают заложников. В больнице слышны выстрелы. Главарь банды Шамиль Раззаев выдвинул требование немедленного вывода федеральных войск из Независимой Республики, освобождения пленных боевиков, предоставления крупной денежной суммы, размер которой им не уточнен...»

– По факсу друг из МВД скинул... Надо срочно ехать. Готов?

– Готов... На чем?

Владимир Михайлович стал звонить, как я понял, каким-то воздушным генералам, накоротке справлялся о здоровье, тут же переходил к делу. Наконец разрешение было

получено.

— На два дня, не больше, — сказал он, когда мы садились в машину. — От инструктажа принципиально отказываюсь.

Шеф сунул мне триста тысяч рублей, рванул с места, и я понял, что имею дело с первоклассным ездоком. Менее чем за час на «волжанке» мы добрались до Чкаловского аэропорта, машину тут же пропустили, что меня удивило: на здешнем КПП всегда был бардак: кого надо не пускали, а всякие деловары-жулики проезжали вполне свободно.

Давненько я тут не бывал... Мы промчались по заснеженным дорогам, выехали прямо к взлетке. У здания таможи томилась масса вооруженного люду. Сидоренко выскочил из машины, его кто-то окликнул, тут же оба замерли в крепких объятиях. За короткие пять-десять минут шеф успел обняться и поздороваться еще с добрым десятком человек. Тут он вспомнил обо мне и стал представлять меня, причем подчеркивая мои лучшие качества.

Здесь были люди в серых камуфляжах с надписями на спинах «СОБР» — специальный отряд быстрого реагирования. Почти все сосредоточенно курили. Старшего я определил сразу — статного мужика с черными усами и в сдвинутом набок берете, такого героя Сопротивления товарища Че.

Сидоренко сказал, что это генерал Кудряшов — начальник Регионального управления по организованной преступности Центрального экономического региона. Черный берет в трескучий мороз — признак стиля мужчины.

Пока я оглядывался, мой шеф успел договориться с командиром «Ил-76» и эфэсбэшным генералом Крайновым – меня посадили на борт.

– Не высовывайся! Поаккуратней, – крикнул мне на прощание Владимир Михайлович.

Вот так я стал журналистом – благодаря Сидоренко. Попал, что называется, под влияние. Теперь мне надо было изменять себя, совать нос не в свои дела и при этом не испытывать никаких угрызений совести.

Через десять минут после взлета я установил, что мужики в зимних камуфляжных куртках и черных вязаных шапочках, которые они называли фесками, из антитеррористического подразделения «Альфа».

Спустя два с половиной часа мы приземлились в аэропорту Махачкалы, еще час ждали автобусы. На центральную площадь города добрались только к вечеру. Сведений о бандитах и заложниках не было. У кого-то засвербил транзисторный приемник, удалось узнать, что бандиты по-прежнему удерживают заложников и требуют на переговоры премьер-министра Черномырдина.

Компания попалась веселая и энергичная, парни молодые, двадцати трех – двадцати пяти лет, офицеры ФСБ. Каждый имел опыт работы с террористами, освобождали школьников из автобуса, вытаскивали заложников из самолетов, вспоминали памятную историю Буденновска – тот же сценарий с захватом больницы.

Около полуночи прошел слух, что будет горячий ужин. И точно: расстаралось местное управление ФСБ. Меня прихватили с собой. В небольшую столовку набилось около сотни человек, стояла плотная очередь, выдавали гречневую кашу с тушенкой. Самые практичные и сообразительные уже сидели за столами, весело разливали водку и закусывали.

Саша, мой сосед по автобусу, предложил занять очередь, а сам пошел искать стаканы. Получив по тарелке дымящейся каши, мы прочно уселись, Саня достал бутылку, разлили по стаканам.

– За удачу!

– Вы, журналисты, хорошие ребята, – разглагольствовал Саша, вытягивая изо рта пленку от мяса. – Но с вами надо осторожней. Помнишь ту операцию с корейскими заложниками на Васильевском спуске в Москве? Один из участников переговоров, кстати, он не наш, из МВД, болтанул лишнее, а журналисты растрезвонили: и про гранату «Заря», которую бросили в окно, чтобы ослепить, и про задымление, и про скрытый в мешке с деньгами микрофон, которым прослушивали террориста. Нельзя так, есть же профессиональные секреты.

Я согласился, заметив, что сам был в свое время в системе КГБ. Спецназ погранвойск...

– А ты был на той операции? – спросил я.

– Был. Кувалдой окно разбивал. Интеллектуально и тонко.

Водка и горячий ужин разморили нас, не хотелось выходить на студеный ветер, но засиживаться было нельзя, очередь подпирала.

Через час поступил приказ, и мы рванули, будто тети-ва из оттаявших рук. Старший автобуса пригрозил: никому не спать, оружие зарядить. Все облачились в каски-сферы с мощными забралами, «броники», «разгрузки», набив их до предела магазинами, гранатами, «черемухой», ножами и прочим военным скарбом.

– В случае обстрела автобус увеличивает скорость, – вещал старший. – Если задний автобус останавливается или наш останавливается – выбиваем окна и по установленному порядку выходим наружу, отражаем нападение.

Но равнина миролюбиво мигала дальними огоньками – здесь жили люди, варили ужин, а вернее, уже засыпали, при-тулившись к теплему боку соседа по кровати. В этот час горели только лампочки на мирных колхозных подворьях. Но мы ехали не на крестьянский праздник – бешеная банда ждала нас во всеоружии. Они были готовы встретить нас свинцом, не зная нас, не желая знать. Возможно, лет десять назад мы могли вместе учиться за одной партой, совершать мальчишеские подвиги... Впрочем, лет десять назад тоже существовали определенные проблемы. И только умные и не черствые душой могли находить общий язык, невзирая на некоторые различия в оттенках кожи и языка.

Однако идиоты всегда обожали конфликты.

Больница махала белыми флагами – это были простыни. Спецподразделение не могло стрелять. «Альфа» никогда не вела огонь по безоружным, даже когда за их спинами укрывались кровавые волки. Так прошел час и другой.

Появилось местное руководство, люди в фетровых шляпах безбоязненно пошли к корпусам. Навстречу вышли двое в черных масках. Они шли осторожно, будто по минному полю, автоматы в руках, бешеные глаза угадывались в темноте ночи. Мне разонравилась чертова журналистика. Я бы срезал этих мерзавцев, чувствующих себя мессиями подлой акции. Чтобы они кровью харкали, сплоченные своей сволочной идеей.

Люди в шляпах и в масках долго совещались, потом «гутарили» начальники. Меня, конечно, не допустили. Альфовцы ждали. Автоматы с выверенными мушками прицелов, ракеты «муха», огнеметы «шмель» ждали своего часа... «Подождем», – сказал человек в зимней шапке военнослужащего. «Хорошее лицо, – подумал я, – невзрачное, незапоминающееся, в толпе увидишь – и тут же забудешь». Командир «Альфы» жалел своих ребят, а они жалели потерянное время. Они рвались в бой. Но местное начальство, руководствуясь исламом, народными традициями и аксакальской выдержкой, не дало зеленый свет. Через три минуты в предрассветных сумерках появились колышущиеся фигуры, несчастные люди шли под дулами автоматов, им не повезло, их вырвали из теплых постелей, внезапно, вдали от безумной войны,

других схватили на базаре, волоком притащили в больницу. Сколько там осталось, кого расстреляли? Мы ведь слышали приглушенные выстрелы...

«Командир, чего мы ждем? Опять повторится Буденновск!»

Бандиты прошли в масках, дрожа от возбуждения и страха, они навязывали свою волю – что может быть слаще и приятней павшего на колени города?

Заготовленные автобусы раскрыли двери, толпа рванула, перегруженные боевики суеились, полевые командиры заботливо и торопливо перемежали бойцов телами заложников, мы видели все: оружие на плечах, в руках, автоматы, гранатометы, «мухи», «шмели», ящики, цинки. Банда готовилась воевать.

Трудно было просчитать, сколько боевиков у Шамиля. Зеленые повязки сливались с грязью предутреннего мрака.

Одиннадцать автобусов развернулись, выехали из города.

У старшего, на командирском сиденье, затрещала рация: «Вперед за ними!»

А за рулем, кто за рулем! Сказать смешно – мы погнали на рейсовом автобусе, снятом с линии Джамбул – Нью-Хатки. Правда, и бандиты удирали на таких же... Впереди подпрыгивала милицейская машина с безумным маячком на крыше.

Мы видели, как на город наступала колонна автобусов, – соборовцы прилетели. Тут передали команду – они покорно ушли на обочину. Ну а мы шли в хвосте, вслед за кавалька-

дой – не зная, как и когда будем атаковать.

По светлому времени суток обгонять – дурное дело, мы шли на расстоянии около трехсот метров.

Я почувствовал острую нехватку автомата. Журналистика вдруг показалась мне глупой и никчемной, я был глупцом и балластом среди этих упругих и близких мне по духу ребят. Они забыли обо мне, горячие глаза высматривали шоссе, старший автобуса подгонял водителя, но когда впереди прорисовывался последний автобус колонны, приказывал отставать.

– Неужели никакая сволочь не догадается перегородить дорогу? Блин, пару «КамАЗов» развернуть поперек дороги, по полю они далеко не уйдут, увязнут.

«Коню понятно, – подумал я, – в степи автобусы встанут, их окружить ничего не стоит, боевички свои условия будут глаголить, а мы им мозги пудрить, а ночью или вечером, не дожидаясь, пока они начнут трупы заложников выбрасывать, всеми силами наброситься на автобусы, задымить все к чертовой матери...»

Хотя все, может, и не так... Сколько их там, черт разберет! Двести, триста... Одиннадцать автобусов – по пятьдесят человек – пятьсот пятьдесят, если с оружием, набитым доверху, – четыреста? Естественно, не менее половины заложников – каждая подлая натура должна взять себе по «ангелу-хранителю». Значит, не менее двухсот бандитов?

Так мы преследовали около часа. Нас обогнали два вер-

толета «Ми-8» по прозвищу «коровы». Бандиты уходили в зону боевых действий, а нам оставалось ждать решения командования.

Утреннее солнце слепило глаза, вокруг простирались поля, а вдаль проступали отрожья Малого Кавказского хребта. В такую славную погоду под ясным небом мысли о смерти как-то по-особенному тоскливы. А может, это только меня посещали подобные неприятные думы, привычка к войне и опасности стерлась, для альфовцев же это обычная работа. Риск и обезличенная слава. Автомат и черные маски. Железные ребята – одушевленные орудия специального назначения. Рыцари справедливости. Карающий меч для террористов.

Впереди простиралось село, поблескивал купол мечети.
– Это Первотравное! – сказал водитель.

А я впервые подумал, что этот местный «рейсовик», которого все звали Ургун, ни за что ни про что рискует головой, крутит баранку, возможно, втайне думая, что наградят хотя бы медалькой.

Автобусы с заложниками остановились. Впереди можно было разглядеть сооружение из бетонных плит.

– Там блокпост с милиционерами, – пояснил небритый человек Ургун.

Воцарилась нервная тягучая тишина.

– Вымерли, что ли, там? – прошептал мой сосед.

Прошло еще пять минут, десять. Старший автобуса при-

ник к биноклю.

– Выводят!

– Кого? – раздалось сразу несколько голосов.

– Милиционеров... Под конвоем... Почему они сдались?

Странные события продолжались. Бандиты с новыми заложниками скрылись в селе. Нам дали команду на отход. Мы развернулись, проехали пару километров. На перпендикулярной дороге стояло уже около трех десятков автобусов. Вооруженный народ разминался после долгого пути, дорога подмерзла, вскоре на свежем снегу появились пустые банки от каши из сухпая, кто-то пытался развести костерок из веток.

Я тоже вылез из автобуса. Честное слово, я не знал, чем заняться. Журналистика – это такой вид деятельности, когда нужна если не сенсация, то хотя бы какое-то развитие событий. Я решил потолкаться возле начальства. Но генерал Крайнов отмахнулся от моих вопросов. Видно, он сам не представлял, что делать, и ждал распоряжений из Москвы.

Вернулся в автобус. Мои попутчики всю ругались: теперь в заложниках оказалось все село, и выкурить оттуда бандитов будет в несколько раз труднее.

Мне дали банку кильки, есть не хотелось, положил ее под сиденье. Тут поступила звенящая команда: по боевой тревоге из автобуса!

Ребята высыпали, тут же рассредоточились под откосом шоссе. На дорогу, ведущую к селу, выехала и остановилась

боевая машина пехоты. Автобусы уехали метров на триста в сторону. Народ занимал позиции. Второй эшелон занял оборону в ста пятидесяти метрах за нашими спинами. Прошел слух, что боевики будут прорываться. Все сразу занервничали, местный милиционер попросил меня уйти подальше от дороги – могут убить. Я не стал ему ничего говорить: он не знал, что такое опасность на войне. Прошел час, другой – боевое напряжение и нервозность рассосались сами по себе. Военный организм, не подпитываемый реальной боевой обстановкой, взрывами, стрельбой, автоматически расслабляется. Иначе не избежать стрессов.

Многие уже побывали у арыка и принесли охапки камыша. Я поступил точно так же. Лежать на соломке – истинное удовольствие. К четырем часам я проголодался и съел кильку в томатном соусе с куском хлеба. Воды не было, но жажду я почти не ощущал. Главное, об этом не думать.

А силы продолжали прибывать. Здесь были упругие ребята в синих меховых куртках из охраны Президента России, лихие собровцы из Москвы, Краснодара, Ставрополя, отряд «Витязь».

Вечером мне намекнули, чтобы я поискал себе другое место: все-таки спецподразделение, особые задачи. Я взял сумку и пошел искать. Но московские собровцы меня не пустили в свои автобусы: не было мест. Я это и сам знал: братва вповалку лежала вместе с автоматами, гранатометами, «мухами», «шмелями», ящиками с патронами. Я продрог как

последняя собака. Как помните, мой принцип был – не утешаться. Тонкие черные джинсы, рубашка со свитером и кожаная куртка без теплой подкладки, полуботинки, правда, из крепкой кожи. Наутро в этом месте будет первая жертва – бедолага-журналист, который поехал за сенсацией, забыв надеть кальсоны. И мои коллеги наперегонки побегут сообщать эту приятную новость. Я прыгал, похлопывал в ладони, притопывал, приседал, едва-едва не пускаясь в пляс; мимо меня проходили люди, я мешался, был на фиг ни кому не нужен. Мои мольбы не тронули ни командира московского городского СОБРа, ни генерала Кудряшова. Тут еще прошел слух, что меняем место дислокации. Быстро стемнело, в автобусах что-то жевали. Меня туда не пускали, и правильно делали, от журналистов надо держаться подальше. Я сам всегда относился к ним настороженно; скажешь им пару слов, а они раздуют такую гадость – в голову не придет...

Из темноты появился знакомый силуэт – человек в берете. Я демонстративно скрестил руки и встал так, чтобы меня было трудно обойти. Он недружелюбно глянул на меня, даже в темноте я почувствовал.

– Завтра к утру будет первая потеря! – громко объявил я. – От переохлаждения!

– Что ты от меня хочешь? Я тебя сюда не приглашал.

– Нас всех сюда не приглашали. Нам приказали...

– Ты что, не понимаешь, ни одного места нет, ребятам отдохнуть негде перед боем?

– Я постою...

Кудряшов понял, что хватка у меня, как у борцовского пса – не отцеплюсь.

– Ладно, – сдался он, – иди к старшим автобусов, если они посадят – пожалуйста, а нет – извини. Скажи, Кудряшов разрешил.

Я знал, к кому идти – к краснодарским собровцам. Рослый командир – старший автобуса – встретил мое появление выдержанно. И я покривил душой:

– Кудряшов распорядился взять меня с вами.

– Прямо именно нам сказал?

– Угу, – подтвердил я.

– Ладно, постараемся что-то сделать. На улице не оставим.

К этой минуте я перестал дрожать – на это уже не было сил...

В последующие два дня произошли события, которые, укладываясь в сиюминутную логику, заранее были абсурдными. Инициативу отдали местным властям, и все свои усилия они приложили к тому, чтобы выдворить бандитов за пределы региона, вернее, разрешить им уйти в обмен на заложников. Центральные власти этот местечковый вариант не устраивал, к тому же Шамиль Раззаев плотно зацепился в селе. Разведка доносила о концентрации групп боевиков, которые спешили на выручку. Потом стало известно, что по окрестным селам собирают добровольцев на штурм

села. Было еще одно странное событие. Местные нувориши, коммерсанты, влиятельные люди на полусотне разнообразных иномарок совершили гордый вояж в село. Боевики милостиво отдали им двух женщин и двух детей, после чего посоветовали проваливать. Кавалькада, вытянувшись в огромную змею, прошуршала мимо нас. Рожи, однако, у них были не менее бандитские.

Мы поменяли дислокацию: темной ночью, не включая фар, выехали к южным окраинам села. Автобусы остались в селе Советском, в котором советского было не больше, чем в других окрестных деревнях: грязные дороги, каменные дома за железными заборами, нищий сельмаг.

Мы спустились с пригорка, пошли вниз, уминая слегка схваченную морозом грязь, потом вышли на асфальтовую дорогу. Она стрелой вела прямо в село. До него было меньше четырехсот метров. Подложив ящики с боеприпасами, перешли арык с водой, поднялись, ухватывая стебли камыша. Здесь и обосновались, снова подстелили камыш, но и он не спасал, через полчаса меня стал разбирать колотун. Чтобы согреться, я одну за другой курил сигареты. Огромное поле продувалось всеми ветрами. Но самое страшное – мы были открыты, как на ладони, и как только мы начнем выдвижение, боевики тут же станут нас щелкать. Триста метров отделяло нас. Пять минут хода. Триста секунд смысла жизни, великой цели, грязи или величия.

Никто не стрелял. Над головами жужжали вертолеты: рас-

пугивали мух и птиц. Впрочем, мух не было.

Я уже многих знал по именам. Мне присвоили кличку Корреспондент. Командира, серьезного мужика с оспинками на лице и звонким голосом, звали Игорь Байбаков, его заместитель, по кличке Бабай, внешностью вполне мог сойти за аборигена Новой Гвинеи: темная кожа, вывернутые губы, вьющиеся волосы. Еще я запомнил Витю Рогожина, он тоже служил в погранвойсках. У моего нового соседа по автобусу все было русским – рыжеватые волосы, круглая простецкая ряха, глаза – пилотками, нос – свекла. Ну и фамилия под стать – Саша Иванов. Утром он сунул мне флягу с водкой и предложил отхлебнуть за удачу. Такое начало согревало.

Село было как село. Я попросил бинокль и внимательно стал рассматривать подходы к нему. Прямо перед нами тянулся стометровый бетонный забор. Что он огораживал – колхозный двор, тракторную станцию – значения не имело. Сейчас забор представлял для нас укрепленный участок – инженерное сооружение для войны. Мне сразу вспомнились крепостные дувалы в Афганистане. Впрочем, мы никогда не брали их штурмом. Воевать приходилось в горах... Теперь Афган у нас под окнами. И мы имеем то, что хотели.

Я насчитал несколько фигурок, отчетливо видимых даже невооруженным глазом. Боевики, или кто там были, усиленно отрывали окопы.

Всех это привело в ярость. Иванов кипел:

– Пока мы здесь примериваемся, с какого бока подлечь,

они выроют окопы полного профиля и будут долбать и давить нас, как червей.

– Лучший бронежилет – это окоп, это еще Суворов сказал, – мрачно отметил Саша Черный. Его так прозвали, потому что был Саша рыжий – Иванов. Они, как я заметил, вечно спорили между собой и, кажется, не могли существовать один без другого.

Солнце пригрело, все стали щуриться, снег подтаял и превратился в грязь. Она прилипала к ногам, постепенно перемещаясь все выше и выше по нашим телам. Есть у любой грязи такое ползучее свойство.

Стороны щупали друг друга – пока без выстрелов.

В два часа стало ясно, что наступления не будет. А в три часа дня нам приказали вернуться на исходный рубеж. Мы весело и с матом прошли свои двести метров в тыл, на исходный рубеж, испытывая облегчение и сознавая одновременно, что село для нас неотвратимо, как божья кара, что кого-то убьют, непременно убьют на этом холодном вымороженном поле... Но, конечно, никто не высказывался на эту гнилую тему.

Мы вновь стали переправляться через арык, ящики покрылись жирной грязью, и Саша Черный, увешанный огнеметами, поскользнулся и рухнул в воду, провалившись по колено. Его тут же подхватили, вытащили, потом выловили автомат. Он мужественно перенес падение и уже через полминуты прекратил грязные ругательства.

Мы вышли к дороге, которая серой стрелой уходила в село. В низине, у шоссе, тянулась молодая лесопосадка – тополя трех-четырёхлетнего возраста. Кто-то первым показал пример: согнул деревце, навалился, оно жалобно захрустело, переломилось. Потом боец стал рвать, крутить его, как пес, рвущий клочок мяса из подышающей лошади. Это послужило сигналом. Оголодавшие, заледеневшие на ветру массы бросились на посадки. Более крупные деревья брали штурмом: Бабай с ловкостью обезьяны пополз по стволу, уцепился за вершину, дерево накренилось, будто боролось изо всех сил, Бабай на руках продвинулся дальше, пружиня, опустился на землю, ему помогли, в место перелома впились широкое лезвие штыка. Повсюду стоял жестокий хруст, треск, будто живьем ломали кости. Не прошло и часа, как от посадки остались худые обрубки, нелепым частоколом торчащие из земли. Тут запылали костры, снопы камыша, принесенные из арыка, вспыхивали ярким пламенем. И никто не думал о погибших деревьях, на этом поле все носило отпечаток временности, и законы времени здесь существовали совсем иные. Измерялось оно в шагах и метрах, днях и минутах. Враждебное село, странная диспозиция, заложники, несчастливой звезды люди, отчаянные или отчаявшиеся боевики с зелеными повязками над глазами... Ровно в двенадцать, ежедневно, если ветер дул со стороны села, доносились протяжные и жуткие призывы муэдзина, бойцы ислама – гази – совершали намаз, подбадривая себя воинствующими

криками. Священный газават был их единственной стезей...

– Все, у кого консервы, тащи сюда, делить будем, – крикнул Бабай. Он разогрелся и чувствовал прилив сил. – Банка тушенки – на двух человек.

Мне почему-то решили выделить персональную, но я решительно отказался. Пришлось-таки согласиться. Оставшуюся половину поставил на костер. Возле него сушился и одновременно ковырял тушенку Сашка Черный.

– Ложку ломаешь! – заботливо предупреждал его товарищ.

– Сделай пять минут инкогнито! – сурово отвечал Черный Иванову.

– Ребята, кто наркоту потерял? – Саня крутил рыжей головой и показывал всем шприц-тюбик из индивидуального пакета.

– А ты его под тушенку оприходуй! – посоветовал кто-то.

– Что ты мне бублик от дырки крошишь?

– Говорят, у тридцати шести омовцев новосибирских, которые в заложниках, крупнокалиберные пулеметы были, куча боеприпасов, «мухи», «шмели», бронетранспортер. «Чехи» все забрали, теперь в нас стрелять будут, – сообщил Рогожин. – До сих пор не разберутся, кто дал им команду не стрелять.

– Теперь уже не найдешь...

– Сдались, думали – уцелеют.

– Может, и уцелеют.

До самого вечера мы кормились слухами. Пришло известие, что расстреляна группа старейшин, которые пришли в село на переговоры, днем раньше прошла информация, что начался отстрел милиционеров-заложников. Эти новости подогревали страсти, правда, не совсем ясно было, чего конкретно хотели добиться бандиты этими казнями: быстрой развязки событий? Вся информация для журналистов шла по линии ФСБ. Ежедневно светловолосый парень самого простецкого вида (что не мешало ему иметь генеральское звание) собирал толпу журналистов и негромким голосом вещал в их камеры и микрофоны. Информация была противоречивой, и сам генерал это прекрасно сознавал, но делал вид, что развитие ситуации под контролем, просчитана наперед. Ему можно было посочувствовать. Но жестокие журналисты имели каменные сердца и крокодильи зубы. Они требовали пропустить их через заслоны и отвечать на любые вопросы без утайки. Здесь были настырные ребята из американской компании «WTN», корреспондент «Комсомолки» Витя, который показался мне знакомым – и точно, выяснилось, что он кадровый офицер погранвойск, лихая бригада из «НТВ» во главе с жизнерадостным увальнем Аркашей Быковым. А чего им было не радоваться: имели свою машину со спутниковой телефонной связью, которой я не преминул воспользоваться – накоротке переговорил с шефом. Он обрадовался, и кажется, ни черта не запомнил из всего того, что я ему передал. Он все просил меня побе-

речься. Такими же беспощадными бродягами были двое искателей приключений из телерадиостудии МВД – небритый, как кавказское лицо, Серега и флегматичный оператор Саня – точная копия Шурика из «Операции „Ы“,» только более пожилая. Оба они, как и я, хронически дрожали на ветру, потому что тоже не имели привычки одеваться тепло, уходя на работу.

До вечера мы, то есть водитель из местных Мага, смуглый, как индус, доктор, которого звали Егорыч, молодой стажер Игорь и я, заправили горючим автобусы, тронулись обратно. По пути заметили кучу кривых бревен. Они были грязными, мокрыми, но жизнерадостному стажеру по имени Игорь пришла идея забрать их с собой. Правда, Егорыч сказал, что ну их на фиг, возиться с ними: в автобусе и так не протолкнуться. Но я решил исход дела: с жаром схватился за дело. Меня хлебом не корми, дай бревнами поворачать. Чисто ленинская, к слову, черта. Коммунистическая. Признаю, добавилось количество брани на квадратный метр – недорубленные ветки торчали во все стороны, мы ходили по ним, как по баррикаде.

Автобус подогнали почти к исходному рубежу. Тут выяснилось, что нам предстояли новые погрузочные работы, о которых к стыду и позору не подумали. Войска наступающие могут обойтись без бревен и даже без пищи. Но не смогут пройти и десятка шагов без патронов, гранат и снарядов.

Вокруг собрались наши. Они с интересом смотрели на полезную площадь автобуса, занятую бревнами. Голоса разделились: одни стали кричать, что бревно во что бы то ни стало нужно сохранить – ночью все околеет от холода, другие орали, что некуда класть боеприпасы. Победила вторая сторона. С грохотом и матом мы выбросили бревна на улицу. Вместо них стали грузить ящики с патронами, гранатометы, огнеметы и прочие полезные штуки. Часть людей осталась на позициях, остальные, вымороженные и злые, ввалились в автобус.

Я понял, что война не начнется ни сегодня, ни завтра. Мышеловка захлопнулась. Но чтобы достать зверька, надо было просунуть руку, рискуя получить смертельный укус бешенства. Можно раздавить его вместе с мышеловкой, но тогда жизнь несчастных заложников будет не дороже кусочка сыра.

Я забился в углу, но все равно чувствовал, что мешаю, что в этой давке и тесноте – инородное тело, и очень странно, что меня еще не вышвырнули на улицу. Неожиданно объявили, что совсем рядом, метрах в ста, раздают горячую гречневую кашу и сладкий чай. И я тут же предложил своему соседу Сане Иванову смотаться на прикорм. Но он хорошо устроился и сквозь сон пробормотал:

– Сходи сам. Заодно и на меня возьмешь.

Мне захотелось быть полезным обществу, я взял котелок, потом еще два, просунутых мне из темноты, три фляги и,

крикнув Маге, чтоб открыл заднюю дверь, ринулся вниз. В следующее мгновение я покатился по ребрам ступеней в десять раз быстрее, чем на эскалаторе. За это краткое время я отшиб себе край печени, бок и позвоночник. Дикую боль ощутил уже в грязной луже. Мой сдавленный крик утонул в шуме ветра и гуле мотора. Я мужественно встал, ощутив безобразную, незаслуженную боль. К счастью, котелки и флаги даже не коснулись земли. Дальше надо было идти по жуткой грязи почти в полной темноте. Шагов через двести на мои штиблеты нависло по три кило отборной глины, тут я и заметил лампочку, которая освещала серое скопище голодных. Я сумел ловко съехать по грязи под откос, балансируя тарой в вытянутых руках. В конце концов, ничего страшного, что зад у меня мокрый. Зато как хорошо, по-домашнему, пахло разваренной гречкой. Дородный прапор возвышался над полевым котлом, щедро наваливая кашу в протянутые котелки. Минут через десять подошла и моя очередь. Потом пришлось долго ждать чая: какой-то начальствующий нахал умыкнул единственную кружку и, пыхтя, долго хлебал из нее. Остальные почему-то ждали и не рыпались. Наверное, подобрали. Или отморозились. Наконец я полностью нагрузился и, обжигая пальцы, пошел обратно. Некий длинный человек весело предложил мне посветить дорогу. Голос у него был хороший: хмельной. Перед подъемом на шоссе он остановил меня:

– Тут осторожней: я шел сейчас и провалился здесь под

лед. Нога по колено мокрая. Тебе надо идти вон туда! – Он прочертил лучом направление. – Но прямо не надо, а возьмишь правее!

Я сердечно поблагодарил и взял правее, почувствовав сразу под ногами лед. Следующий шаг мой не нашел опоры, я рухнул в воду, но спасительный инстинкт сделал свое дело: успел бросить котелки и фляги на лед и сам плашмя бросился на него. Я взвыл от тоски и досады. Одежда и сам я в ней представляли самое печальное зрелище. Перчатки, грудь, колени были полностью в грязи, вдобавок одна нога промочена по колено. Страхнув комья жирной глины с перчаток, нанизал на пальцы ручки котелков, стараясь, чтоб в кашу не попала грязь – поленился взять крышки. В другую руку взял фляги.

– Ах е..! – раздалось отчаянно за спиной.

Я резко обернулся: в полынье барахтался мой провожатый. Через минуту он успешно выскочил наружу: хорошо, не глубоко.

– Вторую промочил! – радостно сообщил он. – Все равно, что одну сушить, что две – по времени одинаково.

Корчась от смеха, я еле заполз на склон, почапал к автобусу. Таким грязным я еще никогда не был. Даже бомжи чище. Я превратился в настоящую свинью. Можно жрать из корыта, утопив в нем свою харю и злобно закрутив штопором ложку.

Подлец Мага долго не открывал дверь. Бок мой сильно

болел: я отшиб жизненно важные органы. Теперь буду сидеть учительскими чернилами. Еще я сделал маленькое открытие. Я грохнулся потому, что все чистюли соскребали на ступеньках грязь с ботинок. По ней-то я и заскользил.

Все уже спали, и мою кашу ели во сне, едва-едва двигая губами. Саня Иванов зачерпнул две ложки, глотнул чаю и вновь уснул.

Мне стало жутко обидно. Я торопливо проглотил полкозелка – без всякого удовольствия, по необходимости – и отправился к костру. Ребята подвинулись, дали место. Я быстро скинул ботинки, прохудившиеся носки, выжал и нацепил на палочку, которой кругообразно манипулировал над огнем. От моих вещей шел густой пар. Мой провожатый сидел рядом со своими ботинками и грустно смотрел на пламя. Наверное, он протрезвел, вспомнил теплую квартиру, диван с женой. У меня, кстати, был знакомый, так у него диван считался членом семьи. Гостей приглашал, всегда на табуреточках рассаживал, никому не позволял садиться. А кормил сухарями с маргарином. Потом к этому жлобу перестали ходить. А из дивана подлого вылезла пружина и поранила зад супруги. Ей потом уколы от столбняка делали...

Я курил, смотрел на искры и тоже грустил. Волчья у меня жизнь. Никому не нужен, кроме своей матушки. И чего меня судьба занесла сюда? Неужто на небесах считают, что я не навоевался? Что нужно непременно закончить свой путь именно на таком вот простреливаемом поле, черт знает где,

с дыркой в жизненно важной голове или другом органе...

Искры летели из костра к небу и звездам, может, хотели соединиться с ними, чтобы замереть и тоже стать вечными и неприступными?

Вдруг что-то вспыхнуло и затрещало на моей голове, люди бросились тушить, стуча меня по голове. Я еле вырвался из-под града ударов, сорвал шапку и в три приема, ударами об землю погасил ее. Резко завоняло. Засмотрелся, видите ли, на небо – попал под искру – и возгорелось пламя... Остатки североамериканского енота пахли жженой шерстью. Я стряхнул пепел. Осталось некое лысое пространство с дурным запахом, который теперь будет преследовать меня еще долгие годы. Мне стали сочувствовать, спрашивали, как звали пострадавшее животное. «Сейчас начнут вспоминать историю молодой девушки, КОТОРАЯ СУШИЛА ВОЛОСЫ НАД ГАЗОВОЙ ПЛИТОЙ», – понял я. Так оно и случилось. Я не стал дослушивать – конец был предрешен, поплелся в автобус. Штаны придется сушить на себе.

Следующее решение возникло внезапно. Я схватил «дипломат», выскочил на улицу.

– Володька, ты куда? – окликнул меня Саня Иванов.

– Да тут... к москвичам схожу, – замешкался я с ответом, не ожидая, что на мой уход кто-то обратит внимание.

– Вещи-то оставь...

– Ну я, может, у них поселюсь. А то вас стесняю.

– Ну ты брось это... – сурово заметил Сашка Черный. –

У нас т а к и е вещи не приняты.

Я согласился, но все равно улизнул. И отправился не к каким ни москвичам, а напрямиком в село. Но рванул не через позиции, а взял резко правее, через кусты да камыш. Заходящее солнце освещало мой торный путь, я переправился через два арыка, умудрившись не промочить ноги, на третьем провалился. Черные окна села следили за неясной фигурой с чемоданчиком – заблудившийся школьный учитель; я ошутимо чувствовал, как прорезь прицельной планки совмещалась с мушкой и моей головой. Я двинул по центральной улице, жизнерадостно разминая грязь. От стены ближайшего дома отделились двое в черных масках.

– Стой!

Они заставили меня встать у стены, упереть в нее лапы.

– Чего тебе здесь надо? – спросили они, тщательно изучив мое редакционное удостоверение.

– Поговорить с Шамилем.

В неровных прорезях масок глаза боевиков были почти волчьи. Возможно, это свойство черного цвета.

– Пошли. Если он согласится... А если нет – тебя все равно придется шлепнуть.

И меня слегка подтолкнули, словно я сопротивлялся.

Дешевые понтовики...

Я захлопал по грязи мертвой улицы. Уже совсем стемнело. Было жутко от мысли, что люди, которые шли за мной, в своей борьбе подписались на смертный приговор, и теперь,

когда жизнь вроде бы закончилась, в самоотречении для них уже не существовало ни законов, ни морали, ни правил...

Возможно, они считали себя непревзойденными героями, видели себя в раю, как и подобает храбрейшим воинам Аллаху...

Меня привели в двухэтажное здание. На входе стоял человек в круглой барашковой шапке. Он флегматично глянул на меня, молча уступил нам дорогу. Я успел заметить длинные худые пальцы на автомате. «Стопроцентный афганец», – подумал я. Их отличу всегда, даже если весь наш мусульманский Восток поголовно отпустит бороды и наденет чалмы.

Меня заставили снять ботинки – впервые за последние дни я освободился от обуви. В нынешней ситуации это выглядело комично. Чужой дом, в котором и хозяева были чужаками. Споткнувшись в темноте о порог, шагнул в комнату. Меня снова дружелюбно подтолкнули. В просторной комнате светила керосинка. Несколько мгновений я озирался. Человек шесть сидели, поджав под себя ноги. «Я должен им понравиться!» – мелькнула не свойственная мне мысль – приобретенная уже от новой профессии.

– Товарищ старший лейтенант, а может, майор? Какая неожиданная встреча, уважаемый Владимир Иванович!

Я вздрогнул, черт побери, никто меня не называл так с 1992 года, когда на далекой станции Расторгуевка, в гнусной харчевне встретился случайно с Ваней Кориловым.

Человек, откинувшийся на подушку у стены, впился в ме-

ня глазами. Борода буквально от глаз, нервное подрагивание четок в смуглых руках. Тысячи лиц промелькнули в кладовой моей памяти. Эти глаза с прищуром – где их видел? Что-то зыбкое, далекое ускользало, не ухватишь.

– А вы не изменились... Что ж это госбезопасность прибегают к таким дешевым трюкам – посылать агентов под видом журналистов? Владимир Иванович, в Афгане вы были честнее!

У меня выступила испарина.

Гримасы судеб в истории изломанной страны... Я узнал бородача – передо мной сидел лучший снайпер моего взвода, командир второго отделения Шома Раззаев.

– Как ты мог, Шома, вляпаться в это дело? – только и вымолвил я.

Видно, на моем лице отразилось такое потрясение, что Раззаев не нашелся, что еще добавить в мое обвинение.

– Вы не знали, что это именно я провел акцию мести?

– Не знал. А если б кто сказал – не поверил... – Что еще я мог сказать одному из своих лучших сержантов?

– Возможно. Но как вы можете доказать, что не засланы КГБ?

Я отметил, что голос у моего Шомы-Шамиля стал другим. Голос человека выдает его возраст и характер. Теперь Раззаев мог только угрожать.

– Я давно уволился. Да и погранвойска теперь не входят в ФСБ.

Я нес полную ерунду, оправдывался перед бывшим подчиненным, для которого был богом. Но времена меняются, с богов осыпается позолота. Совершенно чужой человек, террорист Раззаев был хозяином положения.

– Вот как? – позволил он себе усмехнуться.

Я протянул ему удостоверение газеты.

– Садитесь, – предложил он и стал изучать мой документ.

– Благодарю. – Я не стал садиться. Меня тошнило от этой ситуации. Знал бы, что ровно через семь лет произойдет подобное, что гонористый Шома, которого дрючил за вывихи в командирской практике, будет допрашивать меня, развалясь на подушках?.. А хотя что бы мог сделать: послать на мины, превратить его воспитание в единый непрерывный процесс? Тогда все мы были другими, а национальные гены еще дремали...

Видно, что-то шевельнулось в Раззаеве. Он поднялся, за ним вскочили другие боевики.

– Неужто думаешь, что твой бывший командир унижится до того, чтобы жалко врать перед подчиненным? Ты забыл Афган, ты забыл наше фронтовое братство, ты безвозвратно изменился.

– Оставьте нас двоих! – негромко приказал Раззаев.

Когда все вышли, Шамиль, нахмурившись, выдавил:

– Простите меня, Владимир Иванович. Я не наглец, как вы думаете, хоть и не предложил сесть своему командиру. Ничего я не забыл. Просто многое изменилось. Вы сами это

знаете. Знали бы вы, как мне сейчас нелегко... А вы всегда понимали меня...

В какой-то момент мы чуть не шагнули в объятия друг другу. Но я не сделал первого шага.

– Очень странно видеть тебя в этой роли. Ты был храбрым бойцом. Зачем тебе нужно испытывать смелость в этом гнусном деле? Тебя не выпустят живым. Поверь мне...

– У меня своя вера! – жестко оборвал меня Шамиль. – Мне тоже странно видеть вас в этой роли. Журналистам не доверяю... Спрашивайте, что хотели для вашей газеты, раз пришли.

– Газета подождет! – перебил я его напористую деловитость и почувствовал, как он подобрался, зная, вспомнил, сколько металла в моем голосе приходится на одну команду. Рефлекс солдата на голос командира – это остается на всю жизнь. – Я не собираюсь вести с тобой переговоры. Но скажи мне, ты вымазался по уши в крови, перестрелял мирных людей, взял заложников, – что ты этим доказал?

Шамиль полыхнул взглядом:

– Это был единственный шаг, последнее средство. Иначе мы не можем отомстить за страдания нашего народа, остановить федералов. Москва хочет сделать нас рабами...

– Остановись, что ты говоришь? Я в Афгане хотел сделать тебя рабом?

Пропагандистские штампы исключают или сознание, или выдержку.

– При чем тут вы? – скривился Шамиль.

– Сейчас ты мне будешь рассказывать историю кавказских войн и несправедливостей, а я в ответ – о грабежах поездов, банков, фальшивых авизо, о детях-заложниках, о том, как все бандиты спокойно укрывались на вашей территории...

– Это долгий и бесполезный разговор, – нехотя согласился Шамиль. – Извините, но мне надо отдать распоряжения командирам.

Я кивнул. Растут мои подчиненные! Сам воспитывал, учил науке воевать. Чтоб мои мозги отсохли за такую учебу...

– Мне надо куда-то выйти?

– Не надо. От вас у меня секретов нет. Ведь вы учили меня «ратному мастерству»...

Деликатные речи в идиотской ситуации.

Вошли обросшие бородами, как хиппи, командиры. В отличие от «детей цветов» смыслом жизни их была не любовь, а месть и ненависть. Каждый из них скользнул по мне зазубренным взглядом. Они не знали смысла нашего разговора и с одинаковым равнодушием могли по приказу Шамиля отпустить меня или расстрелять. Так, по крайней мере, мне показалось.

Я сидел по-восточному – скрестив ноги.

Шамиль глухо сказал по-русски:

– Владимир Иванович Раевский – мой командир по Афгану. Это смелый и честный человек. На той войне он никогда

не делал подлостей, хотя сама война была подлая. Пусть простят меня мои друзья, афганские моджахеддины, которые сейчас вместе с нами. Наше дело, слава Аллаху, теперь единое. Если мой командир не изменил себе и останется честным и в этой непростой ситуации, мы, с общего согласия, можем оставить его среди нас. Если собравшиеся не против.

Бородачи молча согласились.

– Владимир Иванович, – продолжил Раззаев, – мы хотим, чтобы вы постарались понять, что мы не убийцы и террористы, не бандиты, а люди, которых послал наш народ, чтобы защитить и остановить его истребление. Если вы поклянетесь, что не напишете и не произнесете ни слова неправды, можете остаться среди нас, сколько пожелаете. Если нет – то лучше уходите, и пусть бог будет вам судья.

– Ты опять нехорошо сказал, Шамиль, и теперь перед своими друзьями. Значит, ты посчитал, что твой бывший командир может врать. Тогда мне лучше сразу уйти. Конечно, если ты не оставишь меня в заложниках после моих слов.

Шамиль вспыхнул, командиры молча наблюдали эту сцену.

– Вот мой телефон спутниковой связи, – он кивнул на столик, на котором стоял раскрытый чемодан с клавиатурой. – Можете звонить своему редактору.

И как журналист, я не преминул использовать такую возможность.

Шамиль, как и следовало ожидать, перешел на родной

язык.

Я набрал код Москвы, писк, гудки, голос шефа, рядом, будто из соседнего дома.

– Володька, родной, как там, не мерзнешь? Ты уж прости меня, что так получилось... Где ты, откуда звонишь?

– Я у Шамиля... – Я глянул вопросительно на Раззаева, прикрыл рукой трубку: – Говорить, что ты мой бывший подчиненный?

Он кивнул.

– Ты в заложниках? – спросил тревожно Сидоренко. Я представил его, грузноватого, как он оперся рукой о стол, подался вперед.

– Нет, – ответил я. – Шамиля я знаю. Это мой лучший сержант по Афгану, когда я был там командиром взвода.

– Да что ты говоришь?!

Дальше я стал рассказывать, как перешел линию фронта, о заложниках, которые, по словам Шамиля, живы и здоровы.

– Вот сейчас он говорит, что мы вместе пойдем, и я все сам увижу.

– Можешь что-то сказать о наших войсках? – спросил Сидоренко и осекся. Я почувствовал, как на другом конце провода он прикусил язык.

И у бывалых журналистов, случается, вопросы летят дальше здравого смысла.

– Войска окружили село. В планы командования не посвящен.

– Да-да, конечно, – поспешно ответил шеф. – Можешь дать трубку Шамилю?

– Мой редактор хочет задать тебе несколько вопросов, – я повернулся к Шамилю.

Он молча взял трубку, выслушал вопрос и запальчиво стал говорить уже известные мне вещи, требовать на переговоры премьера, угрожать новыми акциями мести.

Закончив тираду, он попросил меня выйти. Минут двадцать я стоял в коридоре, размышляя о странностях восточного гостеприимства, потом дверь скрипнула, в ломаном луче возникла фигура. Она сказала:

– Пошли со мной!

Боевик повел меня по улице.

– Мы идем к заложникам? – спросил я.

Сопровождающий не ответил. Это навело меня на мысль, что дружеское расположение Шамиля закончилось. Восточные люди непредсказуемы. Когда Шамиль был моим подчиненным сержантом, он был вполне предсказуем. Потому что предсказателем являлся я. По крайней мере, его ближайшей судьбы. А сейчас Раззаев хочет обмануть весь белый свет. И пока это получается. Все готовились к варианту наподобие Буденновска. Он вырвался на оперативный простор и до сих пор не идет ни на какие уступки. Ему доставляет удовольствие держать в напряжении тысячи людей в этих глухих полях под замерзшим небом. А еще сотни миллионов пялятся на экраны в своих пропахших котлетами квартирах, ждут,

что еще выкинет лихой Шамилек, вырвется ли, обманет в очередной раз русских...

Из тени дома выплыл боевик, окликнул моего провожатого:

– Салман!

Тот что-то сказал ему, и мы пошли втроем.

– Здесь будешь ночевать! – сказал провожатый. – Выходить из дома нельзя.

Я мысленно поздравил себя: теперь у Шамиля на одного заложника больше. У дверей остался второй боевик, кажется, его называли Джамалем. Я попытался заговорить с ним, но ничего не вышло. Он молчал, как истукан, как минарет, как глинобитный дувал. В конце концов я догадался, что он не то что не хочет говорить, а не может, так как ни фиги не понимает по-русски. «Он, наверное, араб. Или сириец», – прозорливо догадался я. И оказался прав.

Поднявшись по ступенькам крыльца, толкнул дверь, шагнул в темноту. Пахнуло человеческим жильем. Я чиркнул зажигалкой, пламя высветило переднюю комнату: в углу плита, кухонный шкаф, на полу – циновки. Меня потянуло снять ботинки, но воздержался: стоял собачий холод. Я небезосновательно решил, что во второй комнате должно быть теплее – и в некотором роде оказался прав. Потому что тепло очагу несет не огонь, а присутствие человека.

– Вы кто? – спросила темнота настороженным женским голосом.

До чего обожаю подобные ситуации! В доли секунды в моей голове промелькнули варианты ответа: «Конь в пальто!», «Мужчина вашей мечты», «Лицо кавказской национальности», «Член КПСС»...

Но отозвался скромно и без выпендрежа:

– Раевский, мадам! К вашим услугам.

Что-то фыркнуло. Я снизу подсветил свое лицо, зная, что такое освещение всегда привносит особый шарм.

– Небось, еще и граф? – спросили меня иронично.

– Нет. Столбовой дворянин... Из-за своей фамилии я часто попадаю в натянутые ситуации. Мне не верят.

Я шагнул к источнику звука, с опаской держа перед собой огонечек. Кто знает, какой крокодил вылезет из угла. Приятный голос – последний шанс уродины.

В кресле сидело белокурое создание с короткой походной стрижкой. Такие носили наши бабушки в разгар классовой борьбы. Неизвестное существо лениво приняло из моих рук редакционное удостоверение, хмыкнуло:

– Как вас угораздило попасть сюда, коллега? Я Ксения Черныш из «Дорожной газеты».

Девушка протянула мне ледяные пальчики, я пожал их, пошутив:

– Вы что – из могилы вылезли?

– Юмор у вас, конечно. Вы – потомственный военный?

– Да, я бывший офицер.

– Сразу чувствуется... Вас поймали? – спросила она

небрежным тоном, за которым уже проступало стремление выстроить барьерчик.

– Сам пришел.

– Я вот тоже. Еще в Кизиле предложила себя в качестве заложницы. Шамиль обещал, что ни один волосок не упадет с моей головы. Я у него три месяца назад брала интервью. Так что, – девушка сделала загадочную паузу, – если вы будете вести себя не по-джентльменски, я пожалуйюсь, и вас расстреляют...

– Вы идейная боевичка или вам отстегивают, когда вы пускаете в газете слюни о благородных бандитах?

– А вы шуток не понимаете, – убежденно произнесла Ксения.

– Странный юмор... Не знаю, на кой черт меня сюда привели. Наверное, тот болван ошибся домом.

– Ошибаетесь вы. Шамиль сознательно свел нас вместе. Чтоб мы пообщались и пришли к согласию во взглядах. Консенсусу. А может, чтобы написали репортаж двумя перьями.

– Не надейтесь.

– Вы недооцениваете себя! – серьезно заметила Ксения.

– Вы хотели сказать – переоцениваю?

– Именно недооцениваете! Например, из вас мог бы получиться хороший сторож, милиционер. А вы прозябаете в журналистах...

– У вас все такие снобы в вашей «Дорожке»?

– Ради бога, на обижайтесь! – Она усмехнулась, тон ее

потеплел. – У журналистов приняты взаимные подначки... Признайтесь, вы ведь не больше года на этой профессии?

– Две недели, – честно ответил я.

– И вас отправили в такую опасную командировку?

– Девушка. – Я стал терять терпение от ее покровительственного тона. – Ксюша... Вы в школе учились, когда я уже воевал в Афгане...

– Ах, простите, не хотела обидеть вашу старость.

Я чиркнул зажигалкой, чтобы еще раз глянуть на ее лицо. Серые глаза щурились и смотрели с вызывающей иронией. Слава богу, я знал такой тип женщин. Они быстро остывали, когда к ним угасал интерес. Причем начинали чувствовать себя неуютно. И вот после этого с ними можно было делать что хочешь. В фигуральном, конечно, смысле. И никаких фривольных интимностей.

Послышались шаги, стукнула дверь. Вошел Раззаев – узнал его по походке. Луч фонаря скользнул по нашим лицам. Он поставил его на попа, на потолке замер размазанный серый круг. Мы могли теперь различить лица друг друга.

– Извините, но лучших условий создать не могу, – заговорил глухим голосом Шамиль. – Чертовы федералы отрубили электричество, думают, что мы тут одичаем. Ничего, завтра, если сунутся, дадим им крепкий бой.

– А что – стало известно, что войска пойдут в наступление? – спросила Ксения. Голос ее слегка дрогнул.

– Есть непроверенные сведения, – уклончиво ответил Раз-

заев. – Я тут вам принес покушать. Извините, что скромно, но больше ничего нет. Делимся поровну с заложниками. Впрочем, мы считаем, что они наши гости.

– Гостей под дулами автоматов не водят... – заметил я. От такой демагогии просто тошнило.

– Я говорю о принципе отношения к людям, которых мы вынуждены были временно захватить. Завтра будете говорить с ними, люди все расскажут, как мы относимся к ним, обижаем ли. Я приказал, если кто женщину пальцем тронет – расстреляю. У нас самих четыре женщины воюют... Мы за полную справедливость. За это можно потерпеть, жизнь не жалко... Вот, Ксения, человек сидит, которого я очень уважаю, он мой командир... Он не даст соврать.

– Ваш командир? – удивилась девушка.

– Да! Разве Владимир Иванович не сказал? Да, командир по Афганистану, по той войне.

– Так вы специально встретились? – не унималась Черныш. Она завозилась, кажется, суетливо нащупывала диктофон.

– Случайно, – кратко ответил я, дабы у коллеги не возникло никаких иных мыслей.

– Какая удача! – восхищенно произнесла она. – Если вы, конечно, не разыгрываете меня.

И Шамилю, и мне, стоящим на разных полюсах, страшно далеко друг от друга, только и нужно было сейчас разыгрывать эту вертихвостку.

Я уже не считал, что мне повезло. Чертова журналистская молва еще и в боевики запишет. Расстреляют в общей куче, сделают обрезание – и закопают.

– Как ты жил эти семь лет? – спросил я, стараясь не обращать внимания на журналистку. Она стала действовать мне на нервы. Начнет еще задавать идиотские вопросы: что вы пьете по утрам – кофе или чай, любите ли вы сладкое, да как вы относитесь к женщинам.

Вместо ответа Шамиль достал из ножен на поясе огромный тесак, вытащил из пакета консервы, круговыми движениями быстро открыл их, поставил перед нами. Ксения встала, вышла в малую комнату, вернулась с тремя ложками. Раззаев есть отказался. А мы не заставили себя долго уговаривать. Тушенка всегда идет на пользу человеку.

Шамиль стал неторопливо рассказывать, при этом он смотрел куда-то в потолок, словно в размытом круге света проступали картины его недавнего прошлого. Может быть, лучезарного?

– После Афгана я поступил без помех в Грозненский университет, на философский факультет, окончил его... Потом началась война в Абхазии, и я поехал туда добровольцем, был командиром роты.

– На чьей стороне? – быстро спросил я, хотя ответ был ясен.

– Конечно, на стороне братьев по вере – абхазов.

– И я воевал на стороне братьев, хоть и не по вере, и тоже

командиром роты.

– А где? – впервые оживился за все время Шамиль.

– В Сухуми, Гудауте...

– И я там был. Как мы не встретились? В моей роте было много русских.

– А в моей были твои земляки.

– Жаль, что мы сейчас не вместе, – вздохнул Шамиль.

– Ты сожалеешь об этом?

– Я не имел в виду Россию! – уже другим тоном произнес Раззаев и, чтобы сгладить резкость, продолжил свой рассказ: – Потом я организовал частную фирму. Мы перепродавали автомашины.

– Ворованные? – уточнил я. Меня так и подмывало сказать сочную гадость любезному Шоме. И какого черта он не стал преподавателем философии?

Если бы каждый делал свое дело, а не замахивался на совершенно далекое и чужеродное для него – мы бы не дошли до ручки. Хотя попробуй сейчас представь в диком обросшем бородаче с отрешенно-холодным взглядом доцента кафедры античной философии или, скажем, адепта марксизма-ленинизма.

Поясок зеленого цвета на бровях, автомат у руки, как привычный зонтик в дождливый сезон, грязные ботинки, которых он, кажется, стеснялся...

– Когда рухнула тюремная империя, развалился КГБ, плешивому Горби дали пинка, время истины вернулось к на-

шему народу. Наши старики, которые уцелели после сталинских казней, переселений, рассказали то, что остерегались даже вспоминать все эти годы. Раньше я думал, что все люди равны, так, возможно, было в Афгане. А потом я снова стал грязным чуркой, лицом кавказской национальности, вы, русские, считаете нас людьми второго сорта, черными. Двести с лишним лет вы хотите уничтожить нас, стереть с лица земли. Но это не удастся. Наш маленький гордый народ вынужден бороться за то, чтобы уцелеть. Вы все время применяли к нам бесчестные средства и методы. Вы говорите, что мы нация преступников. Но вы сами нас сделали такими. Победителей не судят, не так ли? Вы все время были победителями, ваши законы были кабалой для нас, огромная машина империи пыталась раздавить нас.

Теперь мы избрали те же меры. Малый народ имеет право на сильные средства против могущественного противника. Террор – это последний шанс, чтобы выжить. Родились бы вы, Владимир Иванович, в шкуре моей, вы бы все поняли... Но вы – это вы. А я – это я. И мы уже никогда не поймем друг друга, хотя я бы хотел, чтобы вы, как журналист, попытались понять нас и сказать всю правду.

Я кивнул. На другой аргумент я был не способен. Но прежде чем Шамиль продолжил свою обвинительную речь, я сказал:

– Кроме русских, у вас в заложниках и мусульмане. Зачем вы сделали это, пошли на такой шаг?

– Мы перенесем войну на территорию всей России. Она покроется пеплом. Русские женщины будут оплакивать своих детей так же, как и наши женщины.

– Они уже давно оплакивают. Принося горе, не принесешь справедливости. Вы все погибнете, может, станете великомучениками, а дядюшка Джо, когда проиграет окончательно, сбежит в другую страну, если его не убьют раньше.

Мои слова не убеждали. Шамиль слушал меня из вежливости, он смертельно устал. Бремя невиданной славы обрушилось на него. О неизвестном полевом командире узнал весь мир.

Кого я пытался учить! Со времен пыльной романтики Афгана прошла эпоха. И мы не повзрослели – мы постарели душами, мы стали такими разными, непохожими, словно Всевышний специально разделил нас, чтобы посмотреть, что будет с нами. И случилось то, что должно было произойти: мы возненавидели друг друга.

Только лица моих ребят остались перед глазами: Сикорский, Корытов, Гнедич, Соколов... Все в одной форме-песчанке. Взвод моей памяти...

Раззаев ушел, оставив во мне чувство горькой досады. Но-стальгия дорогого стоит.

В окно я увидел, как скользнул по дороге призрачный луч фонаря. Темнота вновь окутала нас. Я никак не мог привыкнуть к запаху чужого жилья. Обитатели его, наверное, сидят в теплых домах своих родственников и со страхом ждут кон-

ца этой нелепой истории.

– Надо затопить печь. Я видела кучу угля во дворе, – подала голос моя, как бы назвать, сожительница, что ли...

Я не отреагировал. Возиться в темноте с углем – делать мне больше нечего. Надо ей, пусть сама и ковыряется.

Ксения сидела на диване, поджав ноги. Вспыхивающий огонек моей сигареты позволял видеть блеклые очертания девушки. Пока она раздумывала над причиной моего упорного молчания, я занял широкую кровать. На ней лежало штук пять разнокалиберных подушек. Мелкие я сбросил на пол, снял ботинки, залез под пуховое одеяло. И хотя оно пахло чем-то кислым, я понял, что вполне терпимо проведу эту ночь.

– Ну что ж, раз вы не можете или не желаете, я затоплю сама, – заявила девушка. Она еще что-то присовокупила про современных мужчин и направилась во двор. Послышались какие-то невнятные междометия, через пару минут Ксения вернулась, молча уселась на диван.

– Уголь кончился? – спросил я.

– Этот болван не пустил меня дальше порога! – гневно ответила она. – Мы что здесь – заложники?

– А вы как думали? Вы, Ксюша, у бандитов, а не на пресс-конференции, – заметил я, ворочаясь, чтобы согреться.

– Спасибо, уж как-то разобралась, что это не мои друзья-знакомые в отличие от некоторых! – ужалила она меня беспощадно.

Я не удержался от смешка, представив ее сердитое личико.

– Не будем ссориться. Лучше иди-ка сюда ко мне!

– Вы что – охренели?

– В некотором роде с рождения. Но я о другом. Вместе нам будет теплее.

Она саркастически поблагодарила, но через полчаса молча улеглась рядом.

– Надеюсь, вы будете вести себя как джентльмен? – холодно спросила Ксения.

– Безусловно, – пообещал я, не зная, что она вообще-то имела в виду.

– Чтоб вы знали, я специализируюсь на «горячих точках». Я была в Приднестровье, Северной Осетии, Абхазии, Таджикистане.

– И мне приходилось. Но не в качестве журналиста. И жизнь, которую видел, существенно отличалась от той, какую изображали вы и ваши коллеги.

– Я не спорю. Теперь у вас появится хорошая возможность соединить две правды в одну – самую правдивую, – обрисовала Ксюша мои перспективы. – Вы не обижайтесь, Володя, но из окопа порой видишь только бороду своего противника, а он – вашу перекошенную физиономию. Люди иступленно воюют, закапывают друг друга, а причины войны, ее веревочки, рычаги, маховички находятся за тысячу километров – в Москве. Неуловимый дядюшка Джо не потому неуло-

вимый, что на фиг никому не нужен, а потому, что его поимка смертельно опасна для многих высших должностных лиц России... Я недавно видела документы, ты ахнешь, такие люди завязаны, честь и совесть государства, каждый день на телеэкране видим! А их подписи стоят на финансовых документах в пользу режима дяди Джо. Как они ругали и кастерили его за репрессии, за сепаратизм, развал, хаос, сотворенный в республике! А сами втихую подписывали документы прямого финансирования из российского бюджета, отправляли десятки миллионов тонн нефти для его нефтеперерабатывающих заводов. Миллиарды долларов крутились в республике. Мой знакомый из ФСБ сказал, что лично у Джо не менее десяти миллиардов долларов. Можешь представить, что можно сделать с такими деньгами! Поэтому всякий раз, когда наши войска успешно продвигались, наши чиновники выдвигали новые мирные инициативы... Выползали плешивые миротворцы, начиналась видимая ерунда. На самом же деле они хорошо знали: смерть дяди Джо повлечет вскрытие таких документов, от которых у всей России волосы дыбом встанут.

– Все это знают, – заметил я небрежно, стараясь не показывать виду, ведь Ксения действительно копала глубоко, – доказать трудно...

– У меня есть доказательства. Но мой редактор пока не готов на такие серьезные разоблачения. Надо подготовить общественное мнение.

– Ты имеешь в виду антивоенную кампанию? – спросил я.

– Она уже давно ведется... Мы пока что запустили пробный шар: рассказали о финансовых инвестициях в республику и назвали лишь некоторые коррумпированные лица. Пока – тишина. Чем закончится, можно только предполагать.

– Имея такие документы, зачем ехала сюда? – спросил я, поражаясь бесстрашному человечку, который грелся со мной под одним одеялом в чужом доме, где не грела печка... Ситуация была комичной. Хрупкая девочка с капризным голоском (правда, сейчас он звучал очень тоскливо) рассказывала мускулисту профану взрывоопасные сведения о коррупции высшего руководства, их покой охранял террорист из Сирии, может, и Саудовской Аравии. В абсолютной темноте даже голос ее казался нереальным, все остальное было наваждением, кокаиновым сном.

– Ты еще не журналист... Такое событие пропустить?! – вынесла она приговор. – Мне надо уяснить, насколько священный газават сопрягается с оплатой. Сколько боевик получит за смертельный риск? Знают ли они, что их давно продали, что руководство республики подкупило московскую знать, что всем им вместе наплевать на разрушенные города, на тысячи убитых?.. Кстати, очень показательный факт. Как ты думаешь, что первым делом разбомбила авиация? Местный Центробанк! И только потом – комитет национальной безопасности и президентский дворец... Я хотела бы, чтобы ты помог мне задать эти вопросы своему бывшему подчи-

ненному и его боевикам. Кажется, Раззаев до сих пор тебя уважает. Это большая редкость по отношению к русским.

– Прошлое трудно вырвать, не оставив следов.

– Поможешь? Из первых уст. Это очень важно...

– Постараюсь. Хотя я сомневаюсь, что они ответят, сколько им положили на лапу. Об этом не распространяются... Могут и в морду дать за любопытство...

Незаметно мы уснули, прижавшись во сне друг к другу. Не знаю, есть ли у нее парень, но она что-то ворковала, положила руку мне на грудь, время от времени всхлипывала и вздрагивала. В полудреме я жалел ее, несчастное существо, которое задумало воевать со всем злом в этом мире...

Скрипнула дверь. Я мгновенно вскочил. Замки выломаны. Жизнь нараспашку. Вошел сириец Джамаль, глянул на меня выпуклыми глазами, ничего не сказал. После таких безмолвных визитов спать не хочется... За ночь мы все-таки продрогли. В окнах – серый свет. Что принесет новый день?

Ксения тоже проснулась, я сказал ей «доброе утро». Выяснилось, что я провел ночь с очень симпатичной девочкой. Даже не подозревая этого. Выющиеся светлые волосы, тонкий рисунок бровей и темные выразительные глаза. Она выскочила из-под одеяла, взвизгнула, съезжившись.

– Какая холодина! У меня нос в сосульку превратился! Зачем приходил этот сириец?

– Не знаю. Наверное, хотел пожелать нам доброго утра, да забыл, как это по-русски.

Неожиданно в тишине раздался протяжный крик. Высокий звенящий голос возвысился над селением, будто внезапно обрушился с небес: «Бисмиллахи ар-рахмани ар-рахим!»

У меня мурашки поползли по коже. Где бы я ни слышал начало намаза, в Афгане ли, в нашей Средней Азии, крик муэдзина заставлял содрогнуться и благоговейно притихнуть.

– Что это? – испуганно спросила Ксения.

– Молитва.

– Ах, да, конечно, я сразу не поняла. Так неожиданно и страшно... Они молятся перед боем, чтобы закалить свои сердца?

Я посмотрел на часы: стрелки показывали ровно шесть.

Через некоторое время снова появился сириец. Он знаками показал на выход.

На центральной улице, куда мы вышли, у пустующего постаamenta стоял Раззаев в окружении пяти-шести боевиков. Подойдя, мы поздоровались, обойдясь без рукопожатий.

– Как спали? – спросил Шамиль.

– Я чуть в ледышку не превратилась! – начала профессионально кокетничать Черныш.

– Надо было затопить печку, – усмехнулся он. – Мой заместитель Салман отведет вас к нашим гостям. Вы сможете поговорить и убедиться, что с ними все в порядке.

– Мне бы хотелось поговорить и с вами, Шамиль! – сообщила Ксения. – Это очень важно для меня.

– Хорошо. Но не сейчас.

Салман, плечистый парень, которого портила сутулость, одарил нас пустым взглядом, мотнул головой:

– Пошли!

– Сколько у вас всего заложников? – не теряя времени, спросила Ксения.

– Я не считал, – ответил наш провожатый таким тоном, после которого что-то еще спрашивать не хочется.

Он открыл калитку ближайшего дома, мы вошли во двор, затем поднялись по ступеням. В комнате сидели мужчины разных возрастов. Самому старому было, наверное, не менее шестидесяти, а молодому лет шестнадцать. При нашем появлении они настороженно поднялись.

Мы поздоровались и представились. Салман сел на освободившийся стул, достал сигареты. Я решил отдать инициативу моей новой спутнице. Впрочем, она этого даже не заметила. Московская школа.

– Представьтесь, пожалуйста, – блеснув улыбкой, обратилась она к бородатому старику в черном овчинном полушубке.

– Мамед Абдуразаков я, сторож автоколонны номер пятнадцать из Кизила.

– Ну, как вам тут?

– Ничего, ничего. К нам относятся хорошо, последним куском хлеба делятся. Мы не в обиде на этих людей.

Его поддержал невысокий мужчина с седыми усами:

– Шамиль сказал, если кто нас обидит, он того тут же рас-

стреляет! Они хорошо поступили: женщин всех отпустили.

– Мы боялись, что по автобусу начнут стрелять, – вступил в разговор еще один заложник. Из-под свалявшейся меховой шапки торчали только крючковатый нос и длинные черные усы, глаз словно и не было. А это все равно, что слушать в потемках.

Но Ксюшу это не смутило.

– Передайте, что мы все живы и здоровы и хотим, чтобы все быстрее договорились и нас выпустили, – снова заговорил сторож Абдуразаков. Его голос дребезжал, наверняка старик еле справлялся с чувствами. – Здесь со мной и племянник, Осман. – Он показал на самого молодого, который смущенно опустил глаза. – Нас не обижают, не издеваются. Мы хотим, чтобы все миром кончилось...

– А где вас захватили? – спросил я.

– На базаре, рано утром, – почему-то поспешно ответил старик и покосился на Салмана. Тот отрешенно курил.

– А чем вас кормят? – решил уточнить я.

– Иногда рис, чай, консервы, тушенка. Хлеба нет.

– Продукты где берете? – спросил я Салмана.

– В магазине. В домах что-то осталось... – лениво ответил тот и уже энергично сделал вывод: – Никто не голодает. Так и передайте всем, что заложники – это наши гости, мы относимся к ним с почетом и добром.

Ксения переписала фамилии всех заложников, и мы вышли на улицу.

– Теперь к заложникам-милиционерам! – распорядилась она.

– Ты будешь здесь командовать, да? – вспыхнул Салман. – Сейчас на уши поставлю тебя, будешь бегать по кругу.

– Если ты не хочешь нас провести, я попрошу, чтобы Шамиль дал нам другого провожатого, – вмешался я.

Салман ничего не сказал, пошел вдоль улицы. Ксения недоуменно посмотрела на него, я мотнул головой: «Пошли!» Мы миновали мечеть со сверкающим куполом минарета, недалеко от него находилось здание. Но прежде чем войти, я оглянулся. На поле, которое расстилалось перед селом, стояло затишье. Можно было разглядеть колонну автобусов на дороге, замершую тушку БМП, отдельные фигурки в серых комбинезонах. У меня появилось ощущение, что я влез в шкуру боевика. Не хватало только зеленой повязки и автомата. Людей разделяют не только убеждения. Их беспощадно и бесповоротно разделяет линия фронта – полоска земли, межа, по обе стороны которой обильно проливается кровь.

Милиционеры встретили нас враждебно. В клубе, где содержали их под охраной, повсюду стояли железные койки с матрасами. Кто лежал, свесив ноги в грязных ботинках, кто сидел, высасывая последний глоток дыма из крошечного бычка. Я решил не торопиться, вновь отдав приоритет более опытному коллеге. Она же сразу решила ухватить главное.

– Расскажите обстоятельства вашего пленения, – обрати-

лась она к толстяку майору.

– Какие, к черту, обстоятельства! – выругался тот незамедлительно. – Спросите что-нибудь полегче.

– Как к вам относятся? – Ксения переметнулась к усатому капитану.

– Спасибо, пока живы.

– Как кормят?

– Как кормят, как кормят... – раздраженно отреагировал капитан. – Спросите еще: приносят ли газеты?

– Ребята, мы понимаем, что вам тяжело. Но поймите и нас, – я понял, что еще один неловкий вопрос – и нас отправят к чертовой бабушке. – Мы с таким трудом добрались сюда, а вы не хотите нам даже слово сказать... Можно хоть узнать, кто у вас старший?

Майор криво усмехнулся:

– Все сейчас равны... Ну ладно, спрашивай, чего хотел. Может, это будет мое последнее интервью, – хохотнул он, правда, не совсем весело.

– Репортаж с петлей на шее! – не преминул добавить кто-то.

– Ребята, чтоб вы знали, я не какой-то желтый шелкопер, а старший лейтенант запаса, воевал в Афгане, – на всякий случай сообщил я.

– В общем, намекаешь, что свой, – вынес вердикт усатый капитан. – Тут этих «афганцев» знаешь сколько? Даже фирменные есть – настоящие, из Афгана.

– Я в курсе, уже видел одного.

– Садитесь, – наконец предложили нам.

– Давно бы надо было сообразить! – Ксения не удержалась от язвительного замечания.

– Озвереешь тут... – Майор поднялся, почесал голову. – Моя фамилия, запишите, Стекольников. Я – заместитель командира.

– А командир где? – спросила Ксения.

– Что – разве не знаете? Его отпустили... Как была ситуация? Нас тридцать шесть человек, сборная команда из Новосибирска, стояли на блокпосту, охраняли дорогу, въезд в село... С утра – тишина, никто ничего не подозревает. И тут сообщение о событиях в Кизиле. Мы в полной боевой готовности. На следующий день, девятого, по рации нам передают: «Двигается к вам колонна автобусов с заложниками». Что делать? «Ждите указаний!» Наконец поступает команда: «По автобусам не стрелять, пропустить беспрепятственно. Огонь не открывать!» Ну и вот... Остановились они у блокпоста, вышли вместе с заложниками, окружили нас, забрали оружие. Командир наш дал команду не сопротивляться.

– Подставили нас! – не выдержал один из молодых офицеров.

– Естественно, подставили, – прогудел высокий и худой, как жердь, старший лейтенант. – А они, – он кивнул в сторону непроницаемого Салмана, – все наши радиопереговоры слышали, сами потом рассказывали.

Я вытащил сигареты, жердеобразный оживился:

– Сигаретой не угостишь? А то мы тут без курева...

Я отдал пачку, и ее тут же пустили по кругу.

– Теперь нас трусами все считают, – зажав сигарету в крупных, почти лошадиных, зубах, процедил старший лейтенант и, обреченно махнув рукой, заключил: – Как же: новосибирцы сдались без боя, сложили оружие! А я вот что скажу, конечно, нас, может, и полегла бы половина, но автобусы в село не допустили бы. Покрошили все колеса, они бы никуда не делись.

– Не делись... Потребовали бы новые автобусы, – возразил капитан с ярко-рыжей шевелюрой.

– К тому времени уже «Альфу» бы запустили – на тех же автобусах, которые они запрашивали, и подъехали.

– Ну и завалили бы всех подряд, – не унимался рыжий.

Чувствовалось, что это давний, никчемный и бесполезный спор.

– Ладно, хватит уже. Одно и то же часами... – не выдержал толстый майор. – Мы выполнили приказ командования. У генералов, или кто там из местных руководил, были свои стратегические замыслы, в которые нас не посвятили...

– А теперь заварили кашу, – буркнул негромко старший лейтенант и покосился на боевика, торчавшего у дверей, – будем разменной монетой на этих торгах. А то и гляди, отстреливать будут по одному и выбрасывать на дорогу – что-бы ускорить переговорный процесс.

Последние слова предназначались только для меня.

Салман вышел на середину комнаты, произнес недовольно:

– Ну хватит жаловаться, а? Что – хлеба нет, кушать мало дают?

– Сигарет нету!

– У нас что – фабрика своя? У самих нет курить... Давай кончай разговор, время уже! Ясно, да?

Я кивнул и стал прощаться с арестантами. Хмурый капитан протянул мне руку, я почувствовал в ней бумажку, поторопился спрятать ее в кармане.

Во дворе Салман приказным тоном произнес:

– Теперь пошли, репортаж передавать будешь!

– Какой репортаж?

– Что видел – то и будешь передавать. Всю правду. Заложники живы, они для боевиков оппозиции как гости, им хорошо, кормят, как в ресторане. На службу ходить не надо, – он засмеялся от своей шутки.

– Это что – нажим на свободную демократическую прессу? – спросил я. Тон этого юного гвардейца меня покоробил.

– Какой нажим? Нажим вот здесь! – И он показал на спусковой крючок автомата. – Нажимаю – и человека нет. Очень просто!

И он опять рассмеялся. Определенно веселый боевик попался. Посмотреть бы на его чувство юмора в бою...

– Оставь для себя свой могильный юмор. Мне нужно

встретиться с Шамилем, – потребовал я.

– Он сейчас занят.

– Я подожду.

Все было ясно. Шамиль махнул на меня, и теперь всякая юная падаль считает своим долгом покуражиться по случаю, клюнуть, повалить в грязи.

«Руски сабака, ты есть свиня!» – или что-то в этом духе...

Небритость моего лица как раз соответствовала оптимальному размеру щетины лица кавказской национальности. Меня можно было уже принимать за своего. Или по крайней мере проявить снисхождение. Впрочем, вот этого мне не надо.

– Мы с Шамилем братья по крови, – сказал я Салману, и не соврал. Юнец не знал, а бывший мой сержант Раззаев помнил, должен был помнить сухое русло, Волчью пойму, по которой мы уходили, вымазанные своей и наших братушек-ребят кровью, которых волокли на себе, изувеченных, неживых...

Салман выругался по-своему, зыркнул взглядом худого волка:

– Она пусть остается, а вы идите за мной...

– Ксения, иди туда, где мы ночевали! – приказал я.

Она выразительно посмотрела на меня. Кто знает, что она думает обо мне. Вчера откровенничала, сегодня видела, как я получил записку неизвестного содержания, а только что ей стало известно, что я одной крови с бандитом международ-

ного класса. Потрясающе противоречивый портрет коллеги.

Мы вышли на улицу, которая вела в никуда, потому что проходила параллельно невидимой линии. В трехстах метрах – и это было вполне видимым – окопались федеральные войска, ребята, с которыми я успел померзнуть, выпить водки и от которых черной ночью ушел по грязи к врагу. Невидимая линия – это линия фронта. И если оттуда залетит пуля несдержанного снайпера и войдет мне под ребро – все будет по справедливости. Потому что хорошие люди не бродят просто так на стороне бандитов. Они явно пособники, или подкуплены и по наущению делают за бабки черные дела.

Мы вошли в дом, как в гости. Беленое каменное одноэтажное здание, рассчитанное на многоступенчатую семью: «мазэ, фазэ, систер, бразер энд грэнд-мазер-фазер». Тут же пресмыкающиеся внуки... Конечно, царила пустошь, а память о семье – лишь голова от куклы Маши, нос от Бурадино, а также осколки стекла. Растоптанный уют... Что может быть беспощадней и печальней вида вышитой салфетки с именем любимого, о которую вытерли ноги?

Салман показал на черный зев подвала, я спустился первым, прикидывая, не здесь ли общий могильник?

Бандюга спустился за мной, молотка в руках у него не было, а автомат болтался далеко за спиной. Он пошел вперед по гнусно-мрачному земляному лазу, пахло вековой плесенью, шампиньонами и молодыми крысами. Мы прошли шагов десять или пятнадцать, пригибаясь все ниже и ниже.

«Просторная могилка!» – подумал я, приняхиваясь. Наконец впереди забрезжило. Мы очутились под бревенчатыми сводами, нора наподобие землянки. Да-да, в три наката. Свет пробивался сквозь длинную и узкую щель-бойницу. В этой яме сидели на табуретках Шамиль, уже знакомые мне сириец Джамаль, хмурый пакистанец Алихан и лицо русской национальности, побитое то ли ударами, то ли оспой – сплошь бугристое. У таких людей ломовой характер сочетается с безнадёжной внутренней потребностью стать наконец порядочным. На шее у него болтался «АКМ», на котором отдыхали огромные, в синей живописи руки.

– Очень захотели найти меня? – спросил Раззаев. – А я только что послал к ишакам ваших парламентаров. Они предлагали ультиматум. Чтобы мы сдались...

Только сейчас, когда лучи солнца сквозь бойницы брызнули на лицо Шамиля, я удивился буквально фатальным переменам в нем. Совершенно незнакомый человек стоял передо мной. Камуфляжный костюм, черный тулуп – эта привычная одежда давно выела глаза. Раззаев изменился внутренне, а значит, по воле Всевышнего должна измениться и душа. Исступленная вера в победу, ненависть и презрение к врагу наложили на лицо отпечаток неистовости, монашеской отреченности, впалые скулы, черная поросль неухоженной бороды, глаза, сжигающие его самого...

О чем он думал, страдал ли или давно отдал свою жизнь на откуп Аллаху, посчитав, что получена индульгенция на

«священный террор»?

– Да, – ответил я, – мне бы хотелось позвонить своему редактору.

– Пожалуйста, вот аппарат, – вежливо показал на телефон спутниковой связи Раззаев. – Только боюсь, что вы не успеете.

– Почему? – искренне спросил я.

Раззаев посмотрел на часы:

– Люблю точное время, когда минутная стрелка доползает до двенадцати... Итак, господа журналисты (тут я увидел выползающего из темного угла паренька с широким чулком вместо шапки на голове), ровно через три минуты начнется небывалое в истории побоище. Да, мы отказались сдаваться без всяких условий, и теперь все станут свидетелями так называемых жестких мер.

Ох, и поднаторел Шома в ораторском искусстве... Сказал бы он, сколько душ загублено по его вине.

Тем не менее я быстро воспользовался телефоном. Трубку долго никто не брал, и я уже усомнился в том, что переговорю с редактором, как послышался родной голос:

– Володька, ты? Говори, что нового?

– Встречался с заложниками. Содержат их нормально. Благодарны за хорошее отношение. Говорят, что делятся с ними последним куском хлеба...

– Ясно... – пробурчал за тысячу километров Сидоренко. – Синдром благодарного раба, которого оставили в живых...

– Видел и милиционеров, – продолжил я и тут вспомнил о переданной записке. Но я не мог ее даже достать – не то что прочитать. Что в ней написано? Все что угодно – в том числе и прямая провокация свихнувшегося от страха человека. Но в это не хотелось верить.

И тут по небу прокатился тугой звук, разжимая пространство, распарывая неестественную тишину застывшего села. Шамиль глянул на часы:

– Все точно по расписанию. Господин Раевский, артподготовка федералов к вашим услугам. Пишите, запоминайте. Мой шеф в трубке тоже услышал выстрел из орудия.

– Что это? – спросил он.

– Вероятно, артподготовка, – ответил я.

Какое-то мгновение Владимир Михайлович молчал, потом буквально закричал:

– Ты где сейчас?

– Там, где и был...

– Ты с ума сошел, почему не ушел?

Тут началась шквальная канонада, голос бедного Сидоренко исчез, будто рассосался.

Я крикнул «пока», положил трубку и тут вспомнил о Ксении.

– Ты куда? – крикнул в спину мне Шамиль.

– За журналисткой!

Я уже устремился в черный лаз, толкнул кого-то в темноте, выполз наружу. Земля вздрагивала, черные сполохи

взрывов уродовали ее, а мне надо было вылезти из окопа, пробежать несколько десятков метров, вытащить Ксению из дома и спрятать ее в нашей норе. Может, я поступал безрас-судно, но в те минуты я не мог оставить ее одну, потому что именно я сказал ей находиться в доме...

Набрав воздуха, как для ныряния на глубину, вылез на бруствер, рванул с низкого старта, пригибая свою забубен-ную голову. Я не считал, что все пули летят в меня: стены домов прикрывали меня. Но свист и разрывы снарядов угне-тали: слепые железные чушки, падающие с неба и норовя-щие шлепнуться под ногами. Кто хоть раз говорил, что арт-обстрел – это не страшно, не верьте ему. От прицельной пули можно спастись, петляя, как заяц. От снаряда не увернешь-ся: жახнет – и вместо тебя – круглая воронка, по весне на-полнится водой...

Позади меня что-то взорвалось, я запоздало упал на зем-лю, обернулся: осколочно-фугасный снаряд угодил в стену дома, и она, будто помедлив, с глухим шорохом обвалилась.

Ксения, съжившись, как воробей на холоде, сидела на ди-ване. Рядом стояла ее сумка – девушка будто решила при-сесть на дорожку.

– Володя? – вскинула она изумленные глаза. – Ты что – бежал сейчас по улице?.. Ты сумасшедший...

Я схватил ее сумку.

– Здесь оставаться нельзя! Пошли!

– Куда?

– В подвал... тут рядом... К Шамилю, – переводя дух, выплевывал я слова.

– Я останусь здесь! – испуганно сказала она.

– Не говори глупостей! Все дома сейчас раскрошат в пыль. Дурочка – не понимаешь?

– Я тебе не дурочка! – обиделась она.

– Хорошо, не дурочка, у нас нет времени!

Я схватил ее за руку, она слабо упиралась, пришлось шлепнуть ее по мягкому месту. Она отвесила мне ответную оплеуху, я сграбастал ее и почти понес. На улице она вырвалась, и мы побежали, почесали, сверкая пятками и всем остальным. Под огнем чувствуешь себя голым и незащищенным, все тело кажется сверкающим, а на спине начертан мишеньный круг. Мы прижимались к заборам, пригнувшись лезтели напропалую, спотыкаясь на замерзших буграх грязи. Заслышав противный свист, я падал на землю, увлекая за собой Ксюшу, и она все время оказывалась подо мной, перенося это насилие безропотно.

– Тебе уже надо давать как минимум трижды героя, – сообщила она после очередного взрыва.

– Ты более дорогого стоишь, – заметил я, помогая встать.

Снова хорошо трянуло. Мы оглянулись: над «нашим» домом стояла густая пелена, черная шапка дыма отделилась и поплыла к нам.

Ксения заметно побледнела, виновато посмотрела на меня. Я промолчал. Нам оставалось совсем немного, открытое

пространство в тридцать метров...

В окоп мы прыгнули, испытав неземное счастье, будто очутились в райских кущах... По черному коридору прошли в бункер Раззаева. Его обитатели жили напряженной жизнью.

Мальчишка-журналист, бесцеремонно отодвинув от амбразуры «лицо русской национальности», нацелил камеру на поле боя. «АТН» – прочел я буквы на корпусе – известная американская телекомпания, задарма отправляющая наших ребят на съемки в самые «горячие точки»...

– Смотри, чтобы башку не оторвало! – предупредил я.

Он не отреагировал. Немало я повидал операторов в тех местах, где приходилось ползать под жгучими траекториями очередей – и всегда меня поражали эти ребята. Черт их знает, не все же за деньги? Азарт, охота за мгновением, цветной картинкой, имя которой – жизнь... А может, они особое удовольствие испытывают, когда просматривают отснятое в своей студии и медленно потягивают водку из высокого стакана, запивая холодным квасом...

Загрохотало еще сильнее, посыпалась труха... Мы все пригнулись, я потянул оператора. Через минуту он опустился на пол.

– Все в дыму и пыли, ни черта не видно! – выругался он и протянул мне руку: – Лева Циркус, «АТН».

– Володя Раевский, газета «Человек и закон».

– Как раз ситуация по теме... – пошутил он.

Я попытался разделить его юморное настроение кривой усмешкой.

Пыль рассеялась, впереди я увидел окопы боевиков. Они хорошо постарались за эти дни: траншеи тянулись во все стороны, разветвлялись, исчезали под стенами домов. Но сейчас все сидели на дне окопов в готовности встретить плотным огнем атакующих – наших ребят. Я видел, как выехали на прямую наводку три боевые машины пехоты, блеснули красные вспышки, секундное запоздание – грохот и взрыв сплелись в один рваный звук. Прошелестели снаряды гаубицы, разорвались за нашими спинами. Подключилась спаренная зенитная установка, будто оглушительная трещотка; короткие очереди – и огненные стрелы полетели прямо в лицо, над головой обвал: крупный калибр прошел стену дома над нашими головами, посыпалась штукатурка, мы пригнулись; снова вразнобой ударили боевые машины, вслед за ними с грохотом, буквально из земли, вырвались хвостатые ракеты: собровцы подползали все ближе, и лучшим оружием была сейчас одноразовая штука со смешным названием «муха». Я посмотрел налево. Оранжевые стрелы очередей исполосовали небо, метрах в двадцати лопнуло огромное пламя, обдав огненными брызгами, меня отбросило ударной волной, в ушах залипло, пронзительный звон – долбанули из огнемета «шмель». Земля вздрагивала – ей тоже было страшно... Что-то взрывалось за нашими спинами, в глубине села, в паузах было слышно, как ухал миномет... Я больше не рисковал вы-

совываться, Ксения, как мышка, притихла в углу, оператор же вновь полез к бойнице. Возможно, он считал, что камера спасет его от прямого попадания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.